

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

УДК 340.11:34.03:347.12

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1710-1723>

В. А. ТОЛСТИК¹

¹ Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, г. Нижний Новгород, Россия

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА (X БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)» (г. Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 г.)

Толстик Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России
Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: tolstikva@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5834-9561>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018>

Цель: ознакомление широкого круга читателей с результатами проведенной 23–24 мая 2019 г. в Нижнем Новгороде Международной научно-практической конференции «Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника (X Бабаевские чтения)».

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений определил следующие методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты: описаны положения основных докладов ученых, выступивших на конференции (В. М. Баранова, Р. Б. Головкина, И. В. Ильина, П. А. Кабанова, С. В. Кабышева, С. В. Кодана, Н. А. Колоколова, С. А. Комарова и Б. А. Ревнова, А. В. Петрянина, М. П. Полякова, С. Б. Полякова, Р. А. Ромашова, В. А. Толстика, О. Д. Третьяковой и И. Л. Петровой), в которых рассмотрены проблемы неоднозначного понимания в отечественной юриспруденции феномена «злоупотребление правом» и различные способы противодействия этому негативному социально-правовому явлению. Участниками конференции уточнено доктринальное понимание злоупотребления правом и сделан вывод о том, что грамотное использование многообразных правотворческих, правоинтерпретационных и правоприменительных технико-юридических способов противодействия злоупотреблению правом позволит, с одной стороны, минимизировать распространенность этого негативного социального явления, а с другой – при его возникновении адекватно на него отреагировать.

Научная новизна: вопросы противодействия злоупотреблению правом в разрезе теории, практики и юридической техники на территории Российской Федерации на международном уровне обсуждались впервые. В результате установлено многообразие форм проявления, проанализированного негативного социально-правового явления, а также наиболее эффективных технико-юридических способов противодействия ему.

---

*Толстик В. А. Обзор Международной научно-практической конференции «Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника»...
Tolstik V. A. Review of International scientific-practical conference "Counteracting law abuse: theory, practice, technology"...*

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической, правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности при рассмотрении и изучении вопросов, связанных с совершенствованием профилактики правонарушений.

Ключевые слова: правовое поведение; пределы осуществления субъективного права; злоупотребление правом; противодействие злоупотреблению правом; шикана; обход закона; отклоняющееся поведение

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Толстик В. А. Обзор Международной научно-практической конференции «Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника (X Бабаевские чтения)» (г. Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 г.) // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1710–1723. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1710-1723>

V. A. TOLSTIK¹,

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

**REVIEW OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
“COUNTERACTING LAW ABUSE:
THEORY, PRACTICE, TECHNOLOGY (10TH BABAYEV’S READINGS)”
(Nizhniy Novgorod, 23–24 May 2019)**

Vladimir A. Tolstik, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Professional Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: tolstikva@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5834-9561>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018>

Objective: to familiarize a wide range of readers with the results of the International scientific and practical conference “Counteracting right abuse: theory, practice, technique (10th Babayev Readings)” held on May 23-24, 2019 in Nizhny Novgorod.

Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena determined the following research methods: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, formal-legal and comparative-legal methods.

Results: the provisions of the main reports of scientists speaking at the conference are described (V. M. Baranov, R. B. Golovkin, I. V. Ilyin, P. A. Kabanov, S. V. Kabyshev, S. V. Kodan, N. A. Kolokolov, S. A. Komarov and B. A. Revnov, A. V. Petryanin, M. P. Polyakov, S. B. Polyakov, R. A. Romashov, V. A. Tolstik, O. D. Tretyakova and I. L. Petrova), which refer to the problems of ambiguous understanding in domestic jurisprudence of the phenomenon of “right abuse” and various ways to counteract this negative social and legal phenomenon. The conference participants refined the doctrinal understanding of abuse and concluded that the proper usage of diverse law-making, interpretational and law-enforcement technical and legal ways to counteract right abuse will enable, on the one hand, to minimize the prevalence of this negative social phenomenon, and on the other hand, to appropriately react to it when it occurs.

Scientific novelty: the issues of counteracting right abuse in the context of theory, practice and legal technique in the Russian Federation were discussed at the international level for the first time. As a result, a variety of forms of the analyzed negative social and legal phenomenon were identified, as well as the most effective technical and legal ways to counteract it.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical, law-making, interpretational and law-enforcement activities while considering and studying the issues related to the improvement of crime prevention.

Keywords: Lawful behavior; Boundaries of executing subjective rights; Abuse of right; Counteraction against right abuse; Chicanery; Evasion of law; Deviant behavior

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Tolstik V. A. Review of International scientific-practical conference “Counteracting law abuse: theory, practice, technology” (10th Babayev’s Readings) (Nizhniy Novgorod, 23–24 May 2019), *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 4, pp. 1710–1723 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1710-1723>

23–24 мая 2019 г. в Нижегородской академии Министерства внутренних дел России состоялась ежегодная Международная научно-практическая конференция на тему «Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника». В конференции приняли участие 162 исследователя проблематики противодействия злоупотреблению правом, из них 38 докторов наук, в том числе 19 имеющих ученое звание «профессор» и 72 кандидата наук. Кроме Нижегородской академии МВД России на мероприятии были представлены 39 образовательных и научно-исследовательских организаций. Конференция вызвала интерес иностранных ученых из Республики Беларусь, Франции, Алжира, Египта и Казахстана.

В работе конференции приняли участие 14 представителей правореализационной юридической деятельности из МВД по Республике Хакасия, Совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по взаимодействию с институтами гражданского общества, аппарата Законодательного Собрания Нижегородской области, аппарата Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации.

В ходе конференции были рассмотрены актуальные проблемы противодействия злоупотреблению правом в правотворческой, правоинтерпретационной, правореализационной и других видах юридической деятельности. Работа конференции сопровождалась дискуссиями по наиболее интересным аспектам, связанным с определением злоупотребления правом, подходами к пониманию данного явления и мерами по противодействию ему со стороны гражданского общества и государства.

Помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского

исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации В. М. Баранов представил доклад «Обход закона: сущность и проблемы противодействия», в котором констатировал, что «присутствие» термина «обход закона» в действующем российском законодательстве, факт его использования в постановлениях и определениях высших судебных инстанций, письмах и информациях ФНС, ФАС, Банка России не «превращают» его в научную категорию, в доктринальное понятие. Обход закона, хотя и известен со времен римского права, представляет собой не академическое понятие, а бытовое, публицистическое словосочетание.

Обход закона – межотраслевой юридический термин, находящийся на периферии «стыков» теорий правомерного поведения, правонарушения, юридической ответственности, правоотношения, правосознания, правовой культуры.

Определение термину «обход закона» адекватного места в юридической науке и практике – это противодействие множеству зачастую противоречащих друг другу его трактовок и толкований, неосновательно возвышающих, гиперболизирующих его логико-гносеологический статус, организационно-управленческие возможности. Но самое главное – это поможет исключить незаконные факты привлечения за обход закона к юридической ответственности, когда «подменяется» субъект асоциальной деятельности субъектом правонарушения, «конструируется» несуществующий состав правонарушения.

Обход закона – умышленный, «квалифицированный» обман, ибо обходящий юридическую норму не только знает ее, но и нашел в ней «слабое звено». Обход закона, если угодно, требует не только опасно заостренных специальных знаний, умений, навыков, но и определенного уровня «противоправного

мастерства». Совершить обход закона случайно вряд ли возможно.

Обход закона – неординарный вариант социально-негативной деятельности субъекта, находящегося в правовом пространстве. Аномальное, антиобщественное, асоциальное, патологическое, деструктивное, деликвентное, маргинальное, аддитивное, девиантное поведение – это все возможные стороны, грани, аспекты, моменты, стадии, состояния социально-негативной деятельности. Речь идет о самых разных видах отрицательного (превосходящего в негативном ракурсе обычно принятый стандарт деятельности) поведения, которые влекут нежелательные последствия для государства, общества, индивида.

Асоциальность при обходе закона обычно представляет собой синтез отступлений от требований правовых, моральных, религиозных, политических, корпоративных и других социальных норм. Именно невероятно причудливые комбинации, экзотические сочетания асоциальности отличают обход закона.

Обход закона – социальное зло, и именно по этой причине ему необходимо активно противодействовать. Если проецировать обозначенные в философии формы социального зла, то обход закона – не «радикальное», а «банальное» либо «циничное» зло. Это не означает его малой опасности и не предполагает выбора государством либеральных (в смысле сверхмягких) мер пресечения.

Обход закона нельзя трактовать в качестве «объективно приемлемого».

Подлинный обход закона – социально-негативная, но нейтральная для государства сфера деятельности. Обход закона – асоциальное деяние (действие либо бездействие), не нарушающее ни принцип законодательства, ни конкретную юридическую норму и потому не являющееся противоправным. Здесь обходящий закон использует во благо себе найденные им дефекты правового регулирования. Обход закона – самобытная внеправовая деятельность. Обход закона не является злоупотреблением права, не выступает формой противоправного поведения либо особой разновидностью правонарушения. Не относится обход закона и к правомерному поведению, ибо государству и обществу не выгодно, чтобы юридические установления не действовали, а служили «прикрытием», «ширмой» их реализации.

В силу того, что обход закона на практике в значительной степени выступает предметом усмотрения суда, а также иных правоприменителей и отличается высочайшей латентностью, целесообразно исключить этот термин из действующего законодательства и актов официального толкования.

Профессор кафедры теории истории государства и права Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России доктор юридических наук, профессор Р. Б. Головкин выступил с докладом на тему «Некоторые проблемы противодействия злоупотреблениям в сфере реализации цифровых прав».

Рассматривая право как в достаточной степени мощное средство обеспечения порядка в обществе и противодействия различным социально-негативным явлениям, Р. Б. Головкин отметил, что особое место в системе юридического противодействия указанным явлениям занимает комплекс мер, направленных на минимизацию и предотвращение вреда от явлений, производных от самого права, в частности, от реализации предусмотренных юридическими нормами различных субъективных прав, получивших в науке и юридической практике наименование «злоупотребление правом».

В данном контексте имеет смысл рассмотреть некоторые законодательные новеллы в сфере закрепления новых прав. Так, принятый 18 марта 2019 г. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» ввел в юридический оборот новый вид прав, а именно цифровые права. В соответствии с новой статьей 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [1].

Фактором злоупотребления цифровыми правами может служить тот факт, что согласно закону обладателем цифрового права является лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распорядиться этим правом, при этом закон не определяет норм обращения цифровых прав

внутри информационной системы [2]. К злоупотреблению правом ведет и практически неограниченная возможность опосредованного доступа неквалифицированных инвесторов к цифровым кошелькам через оператора обмена, что обуславливает возможность хищения цифровых финансовых активов [3, с. 37–40].

Для противодействия злоупотреблениям цифровыми правами, по мнению Р. Б. Головкина, было бы целесообразно осуществить некоторые мероприятия.

Во-первых, для более эффективного внедрения цифровых прав в повседневные правоотношения следует принять и ввести в действие пакет законов, предусмотренных национальной программой «Цифровая экономика» и федеральным проектом «Цифровое государственное управление», что в целом снизит риски злоупотребления правами в рассматриваемой сфере правоотношений.

Во-вторых, для минимизации злоупотреблений цифровыми правами следует законодательно закрепить концепцию цифровых обязанностей, которые можно определить как *меры должного поведения субъектов правоотношений, предусмотренные правовыми нормами, выраженные цифровыми кодами или обозначениями на основе и в рамках информационных систем, признаваемых законодательством*.

В-третьих, необходимо предусмотреть в соответствующем законодательстве механизм ограничения цифровых прав, который будет способствовать предотвращению злоупотребления цифровыми правами.

В-четвертых, с учетом проведенного исследования целесообразно закрепить нормативную дефиницию «злоупотребление цифровыми правами», которую можно сформулировать следующим образом: *это разновидность субъективно-противоправного поведения, выражающегося в умышленном использовании предусмотренных законом цифровых прав и обязанностей в ущерб интересам других субъектов правоотношений*.

Профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, доцент И. В. Ильин в своем докладе затронул проблемы противодействия злоупотреблению правом участниками гражданского и арбитражного процесса. В его понимании злоупотребление правом относится к особому виду противоправного поведения, поскольку оно является формой осуществления субъективного права и квалифициру-

ется как правонарушение в зависимости от правовой оценки всей ситуации.

Отсутствие определений злоупотреблений процессуальными правами вызывает сложности, которые заключаются в отсутствии законодательной возможности установления намерений злоупотребления правом.

И. В. Ильин указал на необходимость выделения следующих видов злоупотребления процессуальным правом:

– злоупотребление процессуальным правом, связанным с затягиванием судебного процесса, цель которого заключается в максимальном саботировании судебного процесса и отсрочке исполнения судебного решения (многократное предъявление заявлений, ходатайств, возражений и других документов, которые суд обязан рассмотреть; неявка участников процесса по уважительной причине (болезнь, командировка и др.); заявление ходатайства о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей, что существенно замедляет арбитражный процесс; заявление отвода судьей (заявление об отводе может подаваться неограниченное количество раз); подача заявлений об объединении нескольких дел, причем ответчики подают заявления об объединении дел, не связанных с касающимися их требованиями; заявление об отложении судебного разбирательства для проведения процедуры медиации без цели примирения; предъявление необоснованного встречного иска; изменение наименования юридического лица, фамилии, имени, отчества физического лица; подача заявления о приостановлении производства до разрешения другого дела, по которому ответчиком был подан необоснованный иск; подача апелляционной жалобы на решение, не вступившее в законную силу, в последний день и без оплаты государственной пошлины);

– злоупотребление правилами компетенции и подсудности, выражающееся в манипуляции правилами о подсудности и компетенции и позволяющее переводить споры в другие регионы, не связанные с участниками реально существующих гражданских правоотношений. Одним из способов такого злоупотребления является создание фиктивного ответчика, который является солидарным должником по обязательству, возникшему между истцом и ответчиком.

Способы противодействия указанным злоупотреблениям в основном обусловлены их выявлением

и установлением неблагоприятных последствий для сторон, злоупотребляющих своими процессуальными правами. При этом следует отметить, что нормы гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства в целом позволяют достаточно эффективно применить меры ответственности к соответствующим правонарушителям. Вместе с тем в отличие от арбитражного законодательства, в котором в ч. 2 ст. 41 АПК РФ прямо предусмотрена ответственность за злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ установлено, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. В то же время за нарушение этой обязанности прямой ответственности гражданско-процессуальное законодательство не предусматривает.

Директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент П. А. Кабанов представил доклад на тему «Злоупотребление правом в форме правомерного обхода закона при реализации государственной политики противодействия коррупции».

Действующее российское законодательство в качестве базового принципа противодействия коррупции закрепило принцип неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Принимаемые меры по его реализации сохранили правовые «лазейки» для чиновников, позволяющие уклоняться от применения к ним наиболее строгих мер дисциплинарного воздействия, используя такую ее форму, как правомерный обход закона путем расторжения трудового договора по собственной инициативе, не дожидаясь окончания служебного расследования, тем самым избегая наказания за совершение правонарушения. Такое положение в правовом регулировании препятствует реализации принципа неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений, поскольку предоставляет возможность привлекать к ответственности за совершение коррупционных правонарушений только тех лиц, которые не воспользовались этой правомерной возможностью в силу личных качеств (упрямство, наивность, низкий уровень интеллекта и др.).

В целях повышения эффективности противодействия коррупции и устранения легальной формы уклонения от юридической ответственности (злоупотребления правом) за совершение тяжких коррупционных дисциплинарных проступков необходимо совершенствовать нормы антикоррупционного, трудового и иного законодательства.

Во-первых, предусмотреть в антикоррупционном, служебном, трудовом и ином законодательстве классификацию коррупционных дисциплинарных проступков по степени их тяжести: тяжкие, средней тяжести и небольшой тяжести. Уточнив, что увольнение с государственной (муниципальной) службы либо с государственной (муниципальной) или иной должности в связи с утратой доверия возможно лишь за совершение тяжкого коррупционного дисциплинарного проступка.

Во-вторых, необходимо в нормах российского служебного, трудового и иного законодательства предусмотреть запрет на увольнение с государственной (муниципальной) службы, государственной (муниципальной) либо иной должности до окончания служебной проверки соблюдения проверяемым лицом антикоррупционных требований, если предполагаемый коррупционный проступок относится к категории тяжких. В связи с этим запретить прекращение служебной проверки в связи с увольнением лица со службы или занимаемой должности, а также в связи с переводом на другую работу.

Профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент С. В. Кабышев в своем выступлении обратил внимание на особенности доктрины противодействия злоупотреблению правом в Канаде.

Канадская доктрина противодействия злоупотреблению правом исходит из того, что, если право нарушено, оно подлежит судебной защите. При этом недопустимо использовать судебные процедуры в ущерб интересам как участников правовых отношений, так и всего общества. Канадская доктрина малоформализованна и является очень гибкой, формулируя лишь критерии, которые суд должен тестировать в каждой конкретной ситуации.

В качестве критериев для такой оценки используются категории «добросовестность», «разумность» и «справедливость». Причем в Канаде указание на

разумность и справедливость содержится в конституционном законодательстве и составляет общественно признанную целесообразность, являющуюся критерием баланса личных прав и интересов общества.

Что же касается принципа добросовестности, то Верховный суд Канады только в 2014 г. признал его организующим для всей системы права, который необходим для определения разумных ожиданий участников правоотношений. Суд признал, что добросовестность является общим принципом, запрещающим сторонам лгать или иным способом вводить в заблуждение друга друга вне зависимости от того, связано ли это непосредственно с исполнением обязательств.

Злоупотребление правом в Канаде является не особым видом правонарушения, а разновидностью неправовых действий, связанных со злоупотреблением правовой свободой, совершением поступков «во зло» и в противоречии с назначением предоставленного права.

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации С. В. Кодан в докладе на тему «Внезаконные нормативные акты в механизмах злоупотребления публичным правом (историко-источниковедческий аспект)» пришел к выводу о том, что вопрос о злоупотреблении публичным правом верховной государственной властью имеет «прочные» исторические корни. Сама постановка вопроса о выделении незаконных нормативных актов как источников познания государства и права, по его мнению, должна рассматриваться в контексте целей и механизмов их издания, которая сложилась в Российском государстве на ряде этапов истории его государственно-правового развития.

Возникновение указанного вида актов связано с сакрализацией власти и ее закрытостью от общества – выделением определенных сфер политики и государственной деятельности, сведения о которых были связаны с конфиденциальной информацией, распространение которой могло нанести урон авторитету и безопасности носителей верховной государственной власти и государства, привлечь внимание общества к нежелательной с точки зрения властей информации, вызвать «неправильную» ориентацию общественного мнения на происходящие политические события и т. п. Тем не менее и в этих сферах требовались

принятие и оформление властных политических решений, перевод их в нормативно-регулятивное русло и соответствующее их внешнее выражение – вначале в устной, а затем и документальной форме. Соответственно в практиках управления и отражающем их делопроизводстве возникают и такие понятия, как «государственная тайна» и «секретность», появляются соответствующие грифы документов, указание в которых на их конфиденциальность – «секретно» – обозначало особый порядок их места в регулировании деятельности государственных органов и прохождения в документообороте учреждений. При этом С. В. Кодан отмечает, что в нормативном регулировании верховной властью идеологических, политических и управленческих процессов возникают два направления: законотворческое, посредством которого на официальном, открытом для общества уровне происходит легализация властных решений через издание и обнародование законодательных актов, и конфиденциальное, через которое в закрытом для общества, секретном порядке издаются нормативные акты, регулирующие отдельные сферы государственной деятельности, которые с точки зрения власти требуют строго ограниченного доступа к их содержанию и предназначены непосредственно для исполнителей – служащих соответствующих государственных структур.

Внезаконное нормативное регулирование было характерно как для России с монархической формой правления, так и особенно для советского периода ее истории – функционирования партийно-государственной структуры правления с базовыми основаниями идеократии. В советский период характер правового регулирования определяло Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, которое стояло над высшими институтами государственной власти и обозначало их политический курс и характер деятельности. Исходные начала незаконных нормативных актов определялись на уровне идеологических и политических установок и мнений лидеров партии (совмещавших одновременно и высшие государственные посты) обсуждались в режиме обеспечения конфиденциальности на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, а затем оформлялись его постановлениями. Реализация таких постановлений проходила уже через соответствующие государственные структуры в различных формах в строго секретном порядке. При этом

указанные акты не носили «подзаконный» характер, поскольку создавались ни на основании, ни в развитие законов СССР. Постановления Политбюро носили строго конфиденциальный характер, и им присваивался соответствующий гриф секретности: «Строго секретно», «Особой важности», «Совершенно секретно», «Особой важности – Особая папка», за которым, собственно, и скрывались состоявшиеся решения всевластного партийного органа. В рамках данного подхода незаконные нормативные акты рассматриваются как вид носителей государственно-правовой информации – документов, издаваемых в секретном порядке вне общих механизмов правотворческой деятельности и регламентирующих реализацию идеологических, политических и управленческих решений Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС как фактически высшего органа власти в РСФСР – СССР в 1917–1980-е гг.

Судья Верховного суда РФ (в отставке), профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ), доктор юридических наук, доцент Н. А. Колоколов в докладе «Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве» отметил, что проблемы, связанные с злоупотреблением правом, так же стары и актуальны, как само право. Реальный уголовный процесс буквально перенасыщен проблемами, коренящимися в злоупотреблении правом, имеющими как отраслевой, так и междисциплинарный характер. Для того, чтобы уяснить суть анализируемого явления, сначала следует разобраться с такими понятиями, как «добро» и «зло». Данные термины не только весьма распространены в нашем повседневном языковом обороте, но и имеют несколько взаимосвязанных толкований. «Зло – все дурное, плохое и вредное». Филологи под «злоупотреблением» понимают употребление чего-либо, пусть даже и не обязательно «дурного», «плохого», «вредного», а то не исключено, что и «хорошего», но в недопустимо **большом** объеме, количестве.

Наша позиция – «добро» и «зло» – парные категории, явления эти во всей их глубине далеко не познаны. Провести между ними четкую границу невозможно даже в принципе. Данная категориальная пара – феномен, ибо они, как и многое другое в жизни, даны нам в ощущение, но трудно объяснимы.

«Добро» и «зло» – сложная, системная, историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие общественные отношения. Своим возникновением они обязаны социальной природе человечества, которое, базируясь в свой эволюции на определенных более или менее постоянные ценности, в числе которых государство и право, способно мобилизовать свои (опять-таки природные) ресурсы для разрешения конфликтов.

Существование в общественном сознании категорий «добро» и «зло» – институализация (пусть и наивного) ожидания обществом того, что социальным конфликтам, их разрешению (например, судом) будет уделено достойное внимание.

Проведение границы между «добром» и «злом» – принятая человеческой общностью парадигма поведения при разрешении социальных конфликтов. Граница данная весьма условна, поскольку то, что в одних исторических условиях конкретным обществом расценивается как добро, например, уничтожение класса эксплуататоров, спустя определенный промежуток времени квалифицируется как допущенное по глупости непоправимое зло, так как в революционный период были уничтожены многие социально активные, безусловно, нужные стране люди.

Регламент понятия «злоупотребления правом» непосредственно в уголовно-процессуальном законе отсутствует. Прежде чем формировать соответствующую правовую норму, законодатель должен глубоко задуматься, нужно ли ему тратить немалые бюджетные деньги на принудительное приведение ее в действие, может быть, достаточно морали? Неслучайно категория «злоупотребление правом» в самостоятельный институт оформилась в России как раз в тот момент, когда обществом в очередной раз была отвергнута старая процессуальная мораль, а о новой соответствующей моменту морали представления являются весьма и весьма смутными. Впрочем, она, эта новая процессуальная мораль, сама по себе так никогда и не появится, неслучайно XX съезд КПСС в Моральный кодекс строителя светлого будущего записал апробированные временем старые библейские истины. В меньшей степени это касается и морали процессуальной. Очевидно и то, что в отсутствие «бесплатной» или «малозатратной» морали государству приходится тратиться на преодоление никому не нужных барьеров в судопроизводстве.

Что же осталось от прежних «процессуальных периодов»? А то, что было и ранее, – «злоупотребление процессуальными правами», в основе которого нарушение общественного порядка судопроизводства, а формы этого нарушения могут быть самыми разными, порой экзотическими. Естественно, что предвосхитить правоигнорирующую фантазию отдельных личностей невозможно, следовательно, невозможно обойтись и без «резиновой» нормы, позволяющей органам государства наиболее одиозные злоупотребления правом пресекать. Только мудрый правоприменитель в самой сложной ситуации правильно определит степень опасности злоупотребления правом каждым субъектом процесса, успешно разрешит задачу, пользуясь не только тем инструментарием, который ему выделило государство, но и своим правосознанием.

Для успешного функционирования механизмов пресечения злоупотребления правом необходимы следующие условия: в каждой отдельно взятой стране должно быть ясное, четкое и единообразное понимание природы уголовного процесса, роли следователя, прокурора и суда в приведении действующих норм УПК РФ в действие. За судом должны быть закреплены полномочия на творческое применение права, в том числе и международного. У населения страны должно существовать доверие к судейскому корпусу, деятельность судов по пресечению фактов злоупотребления правом должна отличаться ясностью и прозрачностью, процессуальное законодательство должно содержать совершенный механизм исправления следственных, прокурорских и судебных ошибок.

Юридическая «текучка» постепенно выявляет все новые и новые формы злоупотребления правом.

Научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург) доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования Российской академии естествознания С. А. Комаров и доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург) кандидат юридических наук Б. А. Ревнов представили доклад о злоупотреблении правом, правонарушении и юридической ответственности [4].

Авторы дают анализ категории «злоупотребление правом» с учетом положений правовой нормы ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации о недопустимости осуществления прав и свобод человека

и гражданина, посягающих на права и свободы других лиц, генерального запрета на злоупотребление правом, закрепленного в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отсутствия в действующем российском законодательстве общей дефиниции «злоупотребление правом».

Исходным является то положение, что права и свободы человека должны быть не средством контроля государства над гражданами и их ассоциациями, а способом обеспечения индивидуальной автономии личности и ее взаимодействия с другими людьми, различными социальными структурами, обществом и государством.

Ввиду отсутствия единообразного подхода в юридической науке к понятию «правонарушение», учитывая, что в теории государства и права под ним понимается общественно вредное, противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного лица, влекущее юридическую ответственность, авторы считают правонарушение родовым понятием, означающим любое деяние, нарушающее какие-либо нормы права, что оно представляет собой юридический факт, предусматривающий противоправное виновное деяние, совершенное умышленно либо по неосторожности, за совершение которого законом предусматривается соответственно гражданская, административная, дисциплинарная, уголовная ответственность.

Злоупотребление правом является оценочным понятием. Разнообразие обстоятельств, при которых возможно возникновение злоупотребления правом, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование федеральным законодателем в данном случае такой оценочной характеристики преследует цель эффективного применения данного института к неограниченному числу конкретных случаев.

Авторы считают, что в условиях формирования правового государства и демократического гражданского сообщества актуализируются вопросы правоприменительной практики, связанные с феноменом «злоупотребления правом», четкого определения отдельных деяний субъектов права как правонарушений и наступлением впоследствии юридической ответственности.

Как правило, в юридической науке выделяют два вида злоупотребления правом: во-первых, это поведение субъекта права (управомоченного лица)

в правовых рамках, предоставленных действующим законодательством, но с превышением пределов, установленных для осуществления субъективных прав; во-вторых, это законное поведение субъекта права (управомоченного лица) в правовых рамках без превышения установленных пределов. В этих ситуациях следует определить, насколько злоупотребление правом предполагает осознанную субъектом права (управомоченным лицом) возможность причинения вреда иным лицам и (или) охраняемым государством законным интересам граждан.

Авторы утверждают, что, учитывая конституционный принцип о недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина, посягающих на права и свободы других лиц, генеральный запрет на злоупотребление правом, закрепленный в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, необходимо проанализировать теорию и практику реализации различных ситуаций, связанных со злоупотреблением правом и видами юридической ответственности.

С целью реализации данного конституционного принципа авторы раскрывают отражение его содержания в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой устанавливается правило о запрете злоупотребления правом, т. е. осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) в любых формах.

Профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, доцент А. В. Петрянин рассмотрел злоупотребление как уголовно-правовую категорию.

По его мнению, хотя злоупотребление правом в большей степени и рассматривается как общетеоретическая категория, при этом она содержит в себе глубокое межотраслевое содержание. Прикосновенно оно и к уголовному праву. В своем докладе он представил его на примере закрепленных в Уголовном кодексе РФ уголовно-правовых запретов, включающих в свое юридико-техническое конструирование изучаемую категорию, так как именно такой прием даст наиболее унифицированное представление об охране наиболее значимых благ и ценностей, страдающих в результате различных форм злоупотребления

правом. Необходимо оговориться, что современное уголовное законодательство содержит в том числе и специальные нормы, предусматривающие ответственность за специальные виды злоупотреблений. Главным критерием их криминализации выступают специальные признаки и полномочия субъектов, допустивших такое поведение, а также формы противоправного поведения. В первую очередь они предусмотрены в гл. 21–23 и 30 УК РФ.

В уголовном нормотворчестве имеется собственное отраслевое понимание злоупотребления правом. Сам термин «злоупотребление» использовался при юридико-техническом конструировании целого ряда уголовно-правовых запретов, рассредоточенных по всему Уголовному кодексу РФ. В частности, он отражен в ст. 159, 165, 185, 201, 202 и 285, 1732, 2004, 2011, 2854 УК РФ.

Учитывая, что институт злоупотребления правом имеет очень важное политико-юридическое значение, в отдельных случаях оно подвергается детальной уголовно-правовой оценке. Причина – существенное нарушение основных благ и ценностей, представляющих основу современного правового государства.

Наделение злоупотребления как уголовно-правовой категории различными, отличающимися друг от друга признаками оправдано и обусловлено конкретными его противоправными формами, отраженными в Уголовном кодексе РФ. То есть фактически данное понятие можно рассматривать как собирательное, модернизирующееся с учетом потребностей современной уголовной политики. Полагаем, что в ближайшем будущем злоупотребления в разрезе уголовных правоотношений получат свое дальнейшее развитие.

Профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, профессор М. П. Поляков посвятил доклад теме «Идея асимметрии оценки допустимости доказательств в уголовном процессе как идеологическая предпосылка злоупотребления правом на защиту».

М. П. Поляков отметил, что при первом приближении тема злоупотребления правом в уголовном процессе видится в недобросовестности субъектов, наделенных определенными полномочиями, в их потенциальной и актуальной возможности так распоряжаться собственной компетенцией, что появляется основание для душевной оценки правовой процедуры и следу-

ющего за ней решения, укладывающихся в формулу «по форме правильно, а по сути – издевательство».

Однако при дальнейшем погружении в проблематику злоупотребления правом подобное ощущение может возникнуть и при восприятии самих норм и даже целых правовых институтов.

Стремление к минимизации условий злоупотребления правом заложено в самом ключевом принципе процессуальных отраслей права, заключающемся в формуле «разрешено лишь, то, что прямо предписано законом». В рамках принципа «разрешено лишь, то, что прямо предписано законом» злоупотребление правом невозможно без предпосылок, прописанных непосредственно в нормах процессуального права. Причем предпосылки эти формируются, как правило, под идеологическим прикрытием благих намерений. Одним из ярких проявлений подобных намерений является концепция «асимметрии» правил оценки допустимости доказательств. В самом общем эмпирическом виде ключевой замысел этой концепции выражается в подходе, согласно которому доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, должны признаваться допустимыми, если об этом ходатайствует сторона защиты.

В целом идея «асимметрии» оценки доказательств в ее прикладном выражении не представляет большой процессуальной опасности. Процедурные последствия ее применения выглядят весьма благобно. Но под этой внешней благостью скрываются опасные идеологические нюансы. Они зашифрованы в самом слове «асимметрия», которое позиционирует идею несовершенства и злоупотребления. Идея асимметрии несет в себе установку на создание двойных стандартов. А подобная дуальная стандартизация идет явно не на пользу уголовному судопроизводству.

Представляется, что путь повышения эффективности защиты обвиняемого и подозреваемого, а также создание условий для оптимизации реализации прав других участников уголовного процесса лежит не через внедрение концепции асимметрии, а через создание технологических условий для большей гармонизации уголовно-процессуальной процедуры. В условиях красоты и гармонии предпосылки для злоупотребления правом чувствуют себя неуютно и в конечном итоге сводятся к допустимому минимуму.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного нацио-

нального исследовательского университета доктор юридических наук, доцент С. Б. Поляков в докладе «Злоупотребление правом и принцип формальной определенности закона» обосновывал, что самостоятельным из всей совокупности явлений, именуемых в судебной практике «злоупотребление правом», по содержанию и по последствиям, предусмотренным п. 2 ст. 10 ГК РФ, видится только решение в гражданском деле вопроса о наличии или отсутствии субъективного права, за защитой которого обратилось в суд лицо. Причем тогда, когда основанием спорного отношения является договор, при заключении которого одна из сторон добилась условий, нарушающих положения ч. 3 ст. 17, ч. 1 ст. 19 Конституции РФ. В таком случае суд выполняет функцию нормоконтроля за диспозитивно установленными участниками правоотношения правилами. Все остальное либо «двойная фамилия» известных запрещенных действий (например, ст. 1064 ГК РФ), либо незаконное применение санкций за не предусмотренные законом обязанности и запреты.

Корень проблемы не в том, что нормативное регулирование допускает судебское усмотрение, а в том, сколько судей в судебной системе способны к фактически правотворческой работе.

Злоупотребление правом – квалификация правового положения одной стороны диспозитивного правоотношения до его судебного нормоконтроля в результате индивидуального правового регулирования частнопроводных отношений. Качество такого регулирования зависит от социально-психологических аспектов осуществления судебной власти.

Особое предназначение введения и развития неопределенного понятия «злоупотребление правом» за пределы частнопроводных отношений – использование его с учетом управляемости судебной власти для обхода исполнительной властью уголовного и налогового закона, охраняющего гражданско-правовые отношения. Статья 10 ГК РФ применяется, когда нельзя обосновать противоправность деяний лиц, намеченных для преследования либо для «удоев» в пользу бюджета, оскудевающего из-за угнетения экономики, неспособной развиваться в отсутствие свободы предпринимательства, гарантированной формальной определенностью запретов.

Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов доктор

юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Р. А. Ромашов представил доклад на тему «Злоупотребление правом. Может ли право быть инструментом зла?».

Злоупотребление правом – это вид юридически значимого поведения (юридической силы) управомоченного лица, оказывающего негативное воздействие на правовое состояние (положение) субъекта права (индивидуального либо коллективного) и получающего отрицательную оценку со стороны тех, кому оно адресовано.

В качестве злоупотребления правом следует рассматривать не всякое правоограничивающее воздействие, а лишь то, которое характеризуется негативной оценкой (осознанием вредоносности правового воздействия), формируемой на психологическом уровне как у субъекта применения права, так и у адресата правоприменительного воздействия. Иными словами, говорить о злоупотреблении правом следует в том случае, когда субъект применения права осознает, что его действия направлены на причинение вредоносных последствий в отношении контрсубъекта, который в свою очередь понимает, что используемые в его отношении правовые средства носят негативный характер и, следовательно, ассоциируются со злом.

Понимание злоупотребления правом в качестве вида юридически значимой деятельности, осуществляемой управомоченным субъектом, исключает саму возможность использования в качестве инструмента зла объективного права, которое, будучи независимым в своем структурно-содержательном воплощении от воли каких бы то ни было субъектов социальных отношений, само по себе неспособно ни на совершение добра, ни на причинение зла.

Объективное право в своем существовании подобно другим объективным законам, которые можно открывать, учитывать в процессе человеческой жизнедеятельности, но нельзя изменять и уж тем более подчинять субъективной воле.

Социальная природа объективного права, равно как и других социальных регуляторов (религии, морали), основана на естественном стремлении людей к добру, хотя понимание как самого добра, так и средств его достижения в немалой степени зависит от представлений о добре и зле со стороны конкретного субъекта, который своими юридически значимыми деяниями в равной степени способен творить добро и причинять

зло по отношению к субъектам, вовлеченным в сферу его юридической силы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что злоупотреблять можно не правом в целом, в силу его объективной природы, а правомочиями и должностованиями – правами, которыми субъект наделен в соответствии со своим правовым статусом.

Начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации В. А. Толстик в своем докладе «Технико-юридические способы противодействия злоупотреблению правом» акцентировал внимание на том, что для рационального противодействия злоупотреблению правом прежде всего необходимо сформулировать четкое представление об объеме и содержании данного понятия. Это даст возможность корректно определить совокупность случаев юридически значимого поведения физических и юридических лиц, на которую распространяется понятие «злоупотребление правом» и то, по каким признакам оно может быть отграничено от любого иного варианта правового поведения. Если при этом принять во внимание, что злоупотребление правом квалифицируется как негативное социально-правовое явление, то именно ему и необходимо противодействовать. В противном случае предметом противодействия может стать поведение, к которому государство должно относиться нейтрально или, более того, стимулировать.

Определившись с тем, какому поведению следует противодействовать, В. А. Толстик выделил три основных способа технико-юридического противодействия злоупотреблению правом: правотворческий (законодательный), правоинтерпретационный и правоприменительный.

Что конкретно может и должен сделать законодатель для противодействия злоупотреблению правом? Во-первых, необходимо четко установить пределы осуществления субъективного права. Эта мера на последующих стадиях правового регулирования позволит дифференцировать соответствующее поведение на правомерное и противоправное. Во-вторых, законодатель должен предусмотреть меры реагирования (неблагоприятные правовые последствия) на факты противоправного злоупотребления правом.

Показана недостаточность установления пределов осуществления права с помощью конституционного

и отраслевых принципов права для эффективного противодействия злоупотреблению правом. Правотворческая конкретизация пределов осуществления субъективного права предполагает использование базовых технико-юридических средств для ограничения злоупотребления правом. В их числе: правовые запреты, позитивные обязывания, дозволения, правовые процедуры, нормы-цели, правовые сроки, правовые презумпции, правовые фикции, правовые исключения, специальные нормы права и др.

Потребность в правоинтерпретационном противодействии злоупотреблению правом возникает всякий раз, когда имеет место та или иная неопределенность в нормативно установленном понимании анализируемого явления. В процессе данной деятельности используется интерпретационный инструментарий, аккумулируемый, прежде всего, в способах толкования норм права.

Говоря о правоприменительном противодействии злоупотреблению правом, В. А. Толстик заметил, что само правоприменение следует рассматривать не как особую форму реализации нормы права, а как одну из форм правового регулирования общественных отношений, а именно форму индивидуального правового регулирования [5, с. 65–73].

Его цель в том, чтобы обеспечить должный уровень конкретизации (индивидуализации) норм права и интерпретационных предписаний, а в отдельных случаях – преодолеть пробелы в законодательстве. Одна из участниц нашей конференции (Н. И. Сухова) справедливо обратила внимание на то, что злоупотребление правом – это оценочное понятие, и, следовательно, оно должно конкретизироваться в процессе правоприменения.

В процессе вынесения правоприменительного решения суд или иной уполномоченный субъект права для определения факта наличия или отсутствия злоупотребления правом должен установить и осуществить сопоставление двух целей.

Во-первых, выяснить, для достижения какой цели установлено дозволение. Эта задача решается в рамках, прежде всего, целевого толкования соответствующей нормы (норм) права.

Во-вторых, определить, с какой целью совершен тот или иной поступок. Решение этой задачи предполагает тщательный анализ всех обстоятельств юридического дела.

Наличие противоречия между указанными целями будет свидетельствовать о злоупотреблении правом. При этом отмечено, что в Российской Федерации правоприменительное противодействие злоупотреблению правом будет иметь юридическое значение, прежде всего, для конкретного случая. Однако накопление судебной практики может оказывать косвенное воздействие и на аналогичные случаи.

Директор юридического института им. М. М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых доктор юридических наук, доцент О. Д. Третьякова и доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ кандидат юридических наук, доцент И. Л. Петрова представили доклад на тему «Противоправные поликодовые тексты как форма злоупотребления правом на свободу мысли и слова».

Реализация права человека в целом и субъективных прав участников правоотношений – это основа жизнедеятельности современного общества, образец правомерного социально полезного поведения. Вместе с тем чрезмерное использование указанных прав может повлечь трансформацию правомерного поведения в правонарушение. Данный путь трансформации правомерного поведения в неправомерное лежит в плоскости злоупотребления правом. Злоупотребление правом многогранно в связи с многогранностью самих прав, принадлежащих субъектам правоотношений. Рассмотрим пример одной из форм злоупотребления правом. Конституцией Российской Федерации закрепляется право на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29), здесь же в ч. 2 устанавливается ограничение на возможные злоупотребления этим правом: «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду». Установленное ограничение реализации права на свободу мысли и слова на практике обходится некоторыми субъектами правоотношений с помощью поликодового выражения своих мыслей и слов в средствах массовой информации и Интернете.

Для подтверждения данного тезиса О. Д. Третьякова и И. Л. Петрова представили материалы юрислингвистической экспертизы, проведенной ими в связи с тестовыми материалами, содержание которых содержит признаки преступления, предусмотренного

ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»).

В целом, опираясь на результаты юрислингвистических исследований поликодовых текстов экстремистской направленности, по мнению авторов, целесообразно отметить ряд обстоятельств, имеющих существенное значение для современного правового регулирования в целом и противодействия злоупотреблению правом на свободу мысли и слова.

Во-первых, **юридическая поликодовость** – это юридически значимое объединение в устном или письменном тексте вербальных (словесных) и невербальных компонентов, которое представляет собой определенную структуру. В качестве невербальных знаков могут выступать рисунки, фотографии, схемы, сюда же относятся специфические только для устного общения мимика, жесты, предметы окружающего мира.

Во-вторых, текстуальная поликодовость может быть использована как средство обхода ограничений на злоупотребление правом на свободу мысли и слова.

В-третьих, для дополнительного ограничения злоупотребления правом на свободу мысли и слова следует внести изменения в ч. 1 ст. 15.1-1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В тексте статьи заменить слова: «В случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, выражающей в неприличной форме...», на фразу: «В случае подтверждения наличия в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, с помощью юрислингвистической экспертизы информации, выражающей в неприличной форме...».

Список литературы

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12, ст. 1224.
2. Поляк С. Закон «О цифровых правах» не будет работать без закона «О цифровых финансовых активах» – объясняют эксперты. URL: <https://forklog.com/zakon-o-tsifrovyyh-pravah-ne-budet-rabotat-bez-zakona-o-tsifrovyyh-finansovykh-aktivakh-obyasnyayut-eksperty/> (дата обращения: 03.06.2019).
3. Павлов В. П. Цифровая форма финансовых обязательств: проблемы правового регулирования // Банковское право. 2018. № 3. С. 37–40.
4. Komarov Sergey A., Revnov Boris A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility // Oxford Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 38, Iss. 4 (2). Pp. 1188–1197.
5. Толстик В. А. Спорные вопросы теории правоприменения // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. Пермь, 2016. С. 65–73.

References

1. Federal Law of 18.03.2019 No. 34-FZ “On amendments in Parts 1,2 and Article 1124 of Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation”, *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2019, No. 12, st. 1224 (in Russ.).
2. Polyak S. *The Law “On digital rights” will not work without a law “On digital financial assets”, the expert explain*, available at: <https://forklog.com/zakon-o-tsifrovyyh-pravah-ne-budet-rabotat-bez-zakona-o-tsifrovyyh-finansovykh-aktivakh-obyasnyayut-eksperty/> (access date: 03.06.2019) (in Russ.).
3. Pavlov V. P. Digital form of financial liabilities: issues of legal regulation, *Bankovskoe pravo*, 2018, No. 3, pp. 37–40 (in Russ.).
4. Komarov Sergey A., Revnov Boris A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility, *Oxford Journal of Legal Studies*, 2018, Vol. 38, Iss. 4 (2), pp. 1188–1197.
5. Tolstik V. A. Disputable questions of the theory of law enforcement, *Shestoi Permskii kongress uchenykh-yuristov Izbrannye materialy*, eds. V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova., Perm, 2016, pp. 65–73 (in Russ.).

Дата поступления / Received 12.08.2019

Дата принятия в печать / Accepted 12.10.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2019

© Толстик В. А., 2019

© Tolstik V. A., 2019